

РЕПУТАЦИЯ ЮРГИСА БАЛТРУШАЙТИСА В БАЛТИЙСКОЙ РУССКОЙ ПЕЧАТИ 1920–1930-Х ГОДОВ*

Павел Лавринец

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

В статье рассматривается литературная репутация русского поэта и литовского дипломата Юргиса Балтрушайтиса в русской периодической печати Литвы и Латвии в межвоенные годы. Само по себе пограничное положение Балтрушайтиса (на пограничье русской и литовской культуры, на пограничье литературы и политики) и необычная ситуация приостановки блестяще начатой литературной траектории в русском поле литературы¹, осложненной запоздалым выходом двух первых поэтических книг², и перехода в пространство

литовской поэзии (начиная с 1927 г., которым датировано его первое литовское стихотворение³) не может не вызывать исследовательского интереса.

Для репутации Балтрушайтиса у широкой публики в Литве межвоенного периода наибольшее значение имели два нетривиальных сочетания: во-первых, поэта и одновременно дипломата, к тому же представляющего Литву в такой важной для нее, в силу разных обстоятельств, стране, как Советская Россия (позднее СССР)⁴; во-вторых, поэта

* Статья подготовлена на основе доклада, представленного на международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Юргиса Балтрушайтиса «От неба мой посох, от неба – свирель. К мифопоэтике символизма», проведенной Посольством Литовской Республики в Российской Федерации, Центром балто-славянских исследований Института славяноведения РАН, Институтом литовской литературы и фольклора в Доме Юргиса Балтрушайтиса (Москва) 15–16 мая 2013 г.

¹ О положении Балтрушайтиса в среде московских символистов, определившем на долгие годы литературную репутацию поэта, и его «вписанности» в большинство предприятий раннего русского символизма см.: Богомолов Н., «На фоне эпохи», *Юргис Балтрушайтис. Ступени и трона*. Автор идеи и сост. Ю. Будрайтис, Москва: Baltus Новое издательство, 2005, с. 24–47.

² Книги стихов Балтрушайтиса *Земные ступе-*

ни (1911) и *Горная трона* (1912), как известно, вышли удивительно не вовремя – тогда, когда символизм уже отцветал, и не нашли ожидаемого автором отклика. См.: Žmuida E., „Jurgis Baltrušaitis“, *Lietuvių literatūros istorija. XX amžiaus pirmoji pusė*. II knyga: *Literatūros klasika*, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2010, p. 104–105, 109. Ср.: Богомолов Н., *Ук. соч.*, с. 47–49.

³ Ср.: Daujotytė V., *Jurgis Baltrušaitis (Monografija)*, Vilnius: Mintis, 1974 [Literatūra. XVII (1a)], p. 210; Дауётите В., *Юргис Балтрушайтис. Монографический очерк*. Пер. с лит. Б. Балашевичюса, Вильнюс: Vaga, 1983, с. 207.

⁴ См. главу «Поэт-дипломат»: Дауётите В., *Юргис Балтрушайтис. Монографический очерк*, с. 67–81. Ср.: Daujotytė V., *Jurgis Baltrušaitis (Monografija)*, p. 74–89. Особое положение дипломата Балтрушайтиса, занимавшего свою должность на редкость длительный срок, объясняется надеждами Литвы на помощь России в конфликте с Польшей. –

литовского происхождения, писавшего на русском языке. Кроме того, Балтрушайтис выступал также как переводчик (в частности, пьесы Р. Тагора и стихотворения Х. Бялика).

О значении Балтрушайтиса как дипломата говорят лаконичные заметки о его приездах (1921. № 171 [230], 22 июля; № 216 [275], 13 сентября) и отъездах (1921. № 173 [232], 24 июля; 1921. № 268 [327], 12 ноября; 1922. № 33, 7 февраля), о возвращении в Каунас из поездки в Берлин («Возвращение г. Балтрушайтиса». 1922. № 113, 14 мая, с. 2), опубликованные в разделе «Хроника» или в специальной «Политической хронике» каунасской ежедневной общественно-политической газеты *Эхо*. Имя Балтрушайтиса как дипломата фигурировало также в публикациях документов: приложения к соглашению между РСФСР и Литвой о порядке оптации литовского гражданства (с советской стороны подписано М. Литвиновым), оговаривающего допустимое к вывозу из Советской России имущество оптантов⁵, и, в связи с продлением срока действия, самого соглашения⁶. При этом имя дипломата в некоторых заметках дается с инициалом *I. (I. Балтрушайтис)*; вероятно, это говорит, с одной стороны, об официальном литовском источнике публикаций, с другой – о

том, что Балтрушайтис-дипломат мог и не ассоциироваться с поэтом Юргисом Балтрушайтисом.

Сообщения о Балтрушайтисе-дипломате появлялись и в рижской газете *Сегодня*, широко читавшейся в Литве. Например, в июле 1922 г. газета со ссылкой на Латвийское телеграфное агентство сообщила, что напечатанная в московских *Известиях* речь министра-президента Литвы в Советской России Балтрушайтиса при вручении верительных грамот председателю ВЦИК Калинину, «выражавшая литовские симпатии Москве», неточно передает сказанное литовским представителем; Балтрушайтис получил отпуск и выехал в Лондон⁷.

В феврале 1923 г. *Эхо* вышла с передовицей, осудившей и газетные утки, которые «безостановочно варятся» в Риге, и таких «колоссов прессы», как *Таймс* и агентство Гавас, не устоявших перед «ароматом сногшибательных сенсаций». Дело в том, что *Таймс* опубликовал вздорные выдумки корреспондента Гавас из Риги о деятельности посла Балтрушайтиса, якобы ведущего направленные против интересов Франции секретные переговоры с московскими властями и германским послом:

Последним их изобретением является какой-то таинственный разговор нашего представителя в Москве Ю.К. Балтрушайтиса с... Троцким и немецким послом графом Брокдорф-Ранцау. Рижский корреспондент *Таймса* уверяет читателей по

См.: Laurinavičius Č., „Jurgis Baltrušaitis – vilties diplomatas“, *Jurgis Baltrušaitis: poetas, vertėjas, diplomatas*. Red. D. Mitaitė, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1999, p. 139–146.

⁵ Что можно вывозить из России в Литву?, *Эхо*, 1921, № 173 (232), 24 июля, с. 1.

⁶ Соглашение литовского правительства с РСФСР о порядке оптации литовских граждан с РСФСР о порядке оптации литовских граждан, *Эхо*, 1922, № 71, 24 марта, с. 2–3; № 72, 25 марта, с. 2–3.

⁷ Опровержение и отпуск, *Сегодня*, 1922, № 167, 30 июля, с. 4. Подробнее об этом инциденте: Tarinas L., *Imk, klajoklį, žibintą vilties. Poeto ir diplomato Jurgio Baltrušaičio gyvenimo kronika*, Vilnius: Alma littera, 2000, p. 324–325.

словам «Гаваса» – что идея «захвата» Мемеля созрела в Москве после этого таинственного разговора. *Таймс* еще ограничивается просто информацией, а парижский *Temps* идет еще дальше и прямо базирует свое отношение к мемельским событиям на всякого рода политических сплетнях, среди которых чаще всего фигурирует мотив о таинственных соглашениях в Москве⁸.

Вслед за этим появился фельетон редактора *Эхо* и ведущего автора газеты А.С. Бухова. В фельетоне высмеивались домыслы *Таймс* о Балтрушайтисе как «хитром» дипломате, «под покровом московских сумерек» заключающем «тайный союз с Троцким для низвержения Франции» и прихватывающем «для союза и немецкого посла»⁹.

Без связи с политической злободневностью та же газета изредка помещала стихи Балтрушайтиса: в августе 1921 г. напечатала стихотворения «Вехи» («Будто ломкий стебель в поле...») и «Слухом новым» («Средь шума дня все чаще знаю...»), извлеченные из довоенного журнала *Заветы* (как и обозначено при публикации)¹⁰, с подписью Ю.

⁸ Михайловский Ал., «Политические сплетни», *Эхо*, 1923, № 36 (712), 9 февраля, с. 1. В январе 1923 г. Мемель (Клайпеда), находившийся под контролем французского гарнизона, коллективного управления Антанты и решавший текущие местные вопросы немецкой директории, был присоединен к Литве.

⁹ Бухов Арк., «Роковой Балтрушайтис. Фельетон», *Эхо*, 1923, № 56 (732), 1 марта, с. 2. Фельетон переиздавался: Бухов А., «Роковой Балтрушайтис», *Вильнюс*, 1993, № 11 (130), ноябрь-декабрь, с. 182–184; Бухов А., *Литовское семилетие. Очерки, рассказы, фельетоны*. Вступ. ст. Вл. Агафоновой. Сост. Е. Бахметьева, Vilnius: Žaltvykslė, 2006, с. 60–62; см. также в интернетной версии *Балтийского архива*, http://www.russianresources.lt/archive/Baltrusaitis/Baltrusaitis_7.html.

¹⁰ Балтрушайтис Ю., «Вехи». «Слухом новым», *Эхо*, 1921, № 185 (244), 7 августа. Впервые: *Заветы*,

Балтрушайтис. Восемь месяцев спустя, тоже в воскресном номере (обычно содержащем литературные материалы), на страницах газеты появилось еще два стихотворения¹¹, на сей раз современных, сравнительно недавно написанных и только что опубликованных в первом номере берлинского журнала *Эпопея* (1922) – «Раздумье» («Все славе мира на послугу...») и «Ночная песня» («Раскинуло свой звездный невод Время...») и жирным шрифтом именем **Юргис Балтрушайтис**. Влиятельный критик П.М. Пильский, рецензируя в рижской газете *Сегодня* журнал, издававшийся Андреем Белым, отметил стихи – «лучшие из них принадлежат, опять-таки, Белому, потом Юргису Балтрушайтису, затем В. Казину и Сергею Клычкову»¹⁴.

Литературные материалы в ежедневной газете преследовали цели привлечения и расширения аудитории. Отбор конкретных текстов был обусловлен, в конечном счете, актуальностью, так или иначе понимаемой: например, стихи Андрея Белого или Игоря Северянина могли появляться в связи с их пребыванием в Каунасе и в контексте их пу-

1912, № 6. Оба стихотворения вошли в посмертный сборник *Лилия и серп* (1948), второе – под частым у Балтрушайтиса названием «Раздумье».

¹¹ Балтрушайтис Юргис, «Раздумье». «Ночная песня», *Эхо*, 1922, № 125, 28 мая, с. 3.

¹² Стихотворение датировано 7 декабря 1917 г., вошло в посмертную книгу *Лилия и серп*, с. 97.

¹³ Стихотворение датируется 1920 г. – См.: Тумялис Ю., «Об авторе и книге. Краткий биографический очерк и примечания», *Балтрушайтис Ю., Дерево в огне*, Вильнюс: Vaga, 1969, с. 513.

¹⁴ Петр П-ий, «“Эпопея”». Литерат. ежемесячник под редакцией Андрея Белого. № 1. Москва – Берлин. Книг-ство “Теликон”, 1922 г., *Сегодня*, 1922, № 149, 9 июля, с. 5.

бличных выступлений, стихотворения же Евгения Шкляра в поэтической форме моделировали переживания части читающей публики. В случае со стихами Балтрушайтиса, помимо общественно-политической актуальности дипломата, актуализирующей и его поэзию, срабатывала и общая установка газеты на знакомство своих читателей с литовской культурой и деятелями литовской культуры. Благодаря особенностям поэзии Балтрушайтиса, которые позволяют представлять его как «мыслителя одной мысли, певца одной песни»¹⁵ или осторожно формулировать положение о «практическом отсутствии скольконибудь заметной эволюции в поэзии Балтрушайтиса по крайней мере до середины 1910-х годов»¹⁶, на страницах каунасской газеты могли появляться и довоенные стихотворения поэта, и перепечатки из современного берлинского журнала.

Очевидно, что упомянутая актуальность фигуры Балтрушайтиса-дипломата и такая же, как у Эхо, установка на формирование новой литовской гражданской идентичности (в частности, посредством публикации стихотворений, тематически связанных с Литвой) стали также причиной несколько неожиданной перепечатки в недолговечной каунасской еженедельной газете (в подзаголовке обозначалась как газета литературно-политическая и финансово-экономическая) А.И. Гидони *Понедельник* от 17 июня 1922 г. стихотворе-

ния К.Д. Бальмонта «Месяц и Солнце» («Солнце-Савлита – красивая дева...») с посвящением Юргису Балтрушайтису¹⁷ (стихотворение из цикла «Литва», опубликованного в книге 1910 г. *Морское свечение*).

На страницах Эхо Балтрушайтис появился также в серии трагических стихотворных фельетонов Бухова «Товарищ Онегин»¹⁸, живописующих похождения перенесенного в современность пушкинского героя в большевистской России, Литве и Европе¹⁹. При большевиках Онегин как бывший офицер оказался в тюрьме, где вспомнил о Балтрушайтисе и о том, что он как наследник имений «тетки из Литвы» может вырваться из «советского ада»:

Но вы, друзья, не огорчайтесь,
На свете, правда, много зол,
Но существует Балтрушайтис,
Поэт литовский и посол.

¹⁷ Бальмонт К., «Из цикла «Литва». Месяц и Солнце», *Понедельник*, 1922, № 9, 17 июня, с. 2.

¹⁸ О «Товарище Онегине» А.С. Бухова см.: Сидеравичюс Р., «Евгений Онегин в... Каунасе. Литовские перемены пушкинского романа», *Эхо Литвы*, 1993, № 107 (14993), 6 июня, с. 4; Сидеравичюс Р., «Перемены «Евгения Онегина» в печати русской диаспоры Прибалтики 1920–30-х гг.», *Внимая звуку струн твоих...*. Сб. статей. Вып. IV, Калининград: Калининградский университет, 1998, с. 65–68; Лавринец П., «А.С. Бухов в Литве: 1920–1927», *Studia Rossica XI: Puszkiniiana. Literatura rosyjska dawna i nowa. Leksyka i leksykografia. Paremiologia i paremiografia*, red. W. Skrunida i W. Zmarzer, Warszawa: Instytut Ruscystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2000, с. 182.

¹⁹ Серия стихотворных фельетонов частично (без цитируемого отрывка о Балтрушайтисе) опубликована: Бухов А., «Товарищ Онегин», *Русская литература в Лумбе: XIV–XX вв. Chrestomatija*. Sud. P. Ivinskis... [et al.], Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 1998, с. 460–464. Полная публикация: Бухов Арк., «Товарищ Онегин», *Балтийский архив*, <http://www.russianresources.lt/archive/Buhov/Buhov10.html> (2013-04-14)

¹⁵ Дауэтите-Пацярене В., «Метафизика поэзии Юргиса Балтрушайтиса», *Юргис Балтрушайтис. Ступени и трона*, с. 124.

¹⁶ Богомолов Н., На фоне эпохи, *Юргис Балтрушайтис. Ступени и трона*, с. 67.

Забыл сказать я, что Евгений,
Хоть был и жителем Москвы,
Но был наследником имений
Покойной тетки из Литвы.

Чего же думать, если можно
Покинуть нам советский ад?
И вот Онегин осторожно
Шлет Балтрушайтису доклад:

«Я вам пишу – чего же боле?
Что я могу еще сказать –
Теперь я знаю в вашей воле
Меня из этих стен убрать...

Прошу вас – запросите Ковно,
Там вся родня еще жива
И восстановит безусловно
Мои литовские права.

О тамста, тамста²⁰! Я сгораю,
Как бедный жмогус²¹ без ума...
На вас надежды возлагаю...
Ваш Е. Онегина²². Тюрьма».

Прошло три дня. Тюремщик строгий
Пришел – и чудо – гонит вон:
«Товарищ... Будь готов к дороге,
Идет литовский эшелон...»²³.

В феврале 1923 г. в Каунас с гастрольными спектаклями прибыла Пражская группа Московского художественного театра во главе с М.Н. Германовой и Н.О. Массалитиновым. Анонсирующие заметки и объявления в перечислениях спектаклей «художников» содержали имя Ю. Балтрушайтиса как переводчика и автора обработки драмы Рабиндраната Тагора «Король темного покоя» («Ф. Достоевский – «Село

Степанчиково», Тагор (перев. и обраб. Ю. Балтрушайтиса). «Король темного покоя»²⁴. В объявлении значилось: «Тагор (Ю. Балтрушайтис). Король темного покоя»²⁵. 26 февраля в театре Тильманса состоялся спектакль «Король темного покоя» – «пер. и сцен. обработка Ю. Балтрушайтиса (по Тагору)»²⁶. Анонсы (вероятно, для привлечения внимания публики) говорили о «перев. и сценич. обработке литовского поэта Ю. Балтрушайтиса»²⁷, например:

Сегодня, в понедельник, 26 февраля, предпоследний спектакль художников. Идет «Король темного покоя», инсценировка известного литовского поэта Ю. Балтрушайтиса по поэме Р. Тагора²⁸.

Спектакль оказался неудачным и не был принят публикой. Бухов расценил его как ошибку: пьеса, на его взгляд, не отвечала дарованиям актеров («прекрасный кадр бытовиков»). Бухову «девицы из народа напоминали депутацию вятских пейзажников к своей помещице», а «молодой человек в кальсонах, что-то возглашавший», представлялся вовсе лишним («прямо незаменим по своей неожиданности»). Но начинался «театральный фельетон» с четкого разведения достаточно заурядной поэмы Тагора и прекрасного перевода Балтрушайтиса:

²⁴ Спектакли Московского Художеств. Театра, *Эхо*, 1923, № 37 (713), 10 февраля, с. 3.

²⁵ Объявление, *Эхо*, 1923, № 38 (714), 11 февраля, с. 5.

²⁶ Спектакли художественного театра, *Эхо*, 1923, № 50 (726), 23 февраля, с. 3.

²⁷ Спектакли московских художников, *Эхо*, 1923, № 51 (727), 24 февраля, с. 3.

²⁸ Спектакли художников, *Эхо*, 1923, № 55 (731), 28 февраля, с. 3.

²⁰ Лит. *tamsta* – форма почтительного обращения, «Вы».

²¹ Лит. *žmogus* – человек.

²² Литуанизированная форма фамилии.

²³ Аркадский Л. [А.С. Бухов], «Товарищ Онегин (Продолжение)», *Эхо*, 1921, № 132 (190), 7 июня, с. 2.

Индийский поэт-философ Рабиндранат Тагор написал довольно посредственную поэму, много уступающую по своему примитивному символизму произведениям западных авторов. Ее перевел Юргис Балтрушайтис, перевел очень и очень хорошо.

Это, так сказать, завязка неприятной истории.

Ее развитие: кто-то предложил художественникам поставить ее на сцене. Те согласились. Согласились, очевидно, как спортсмен соглашается на самый рискованный прыжок во имя спортивного чувства²⁹.

В ипостаси переводчика, точнее – переводчика еврейской поэзии, Балтрушайтис показался на страницах *Эхо* в праздничном номере к еврейскому празднику Песах в 1925 г.: газета вышла с подборкой стихотворений еврейских поэтов Я. Кагана в переводе В. Брюсова, И. Каценельсона в переводе Ф. Сологуба и «Ветка склонилась к ограде и дремлет...» Х. Бялика в переводе Ю. Балтрушайтиса³⁰.

В первом номере возобновленного весной 1928 г. в Каунасе журнала *Балтийский альманах*, призванного популяризировать культуру Литвы и других балтийских стран, под заголовком «Выдающиеся литовские поэты» были напечатаны фотографии трех поэтов с характерными подписями: «Юргис Балтрушайтис. Основоположник символизма в России», «Фауст Кирша. Ред. журнала „Pradai ir Žygiai“», «Путинас-Миколайтис. Ред. журнала „Židinys“»³¹.

²⁹ Бухов Арк., «Великорусская Индия. (“Король темного покоя”». Театральный фельетон», *Эхо*, 1923, № 55 (731), 28 февраля, с. 3.

³⁰ Бялик Х., «Ветка склонилась. Перев. Ю. Балтрушайтис», *Эхо*, 1925, № 89 (1468), 9 апреля, с. 2.

³¹ Выдающиеся литовские поэты, *Балтийский Альманах*, 1928, № 1, май, с. 4.

В ту же ушедшую эпоху символизма погружали Балтрушайтиса отрывки из мемуаров Андрея Белого, напечатанные в рижском журнале *Для Вас* в связи с его смертью. В воспоминаниях содержались далекие от истины сведения о происхождении поэта, отражающие принадлежность Балтрушайтиса к интеллектуальной элите в представлениях самого Белого:

Я – сын крупного математика, вылез на свет из квартир, переполненных разговорами о Дарвине, Спенсере, Милле. Блок – сын профессора, внук известнейшего ботаника, профессора же, женатый на дочери профессора Менделеева. Эллис – побочный сын известнейшего московского педагога. С. М. Соловьев – внук знаменитого историка Соловьева – профессора же. Балтрушайтис, Б. Садовской – тоже. Более молодые модернисты, истекшие из символизма и утекшие по-разному из него: Шершеневич – сын профессора – Шервинский – сын профессора медицины и т.д.³²

Редактор-издатель *Балтийского альманаха* Шкляр и позднее укреплял репутацию Балтрушайтиса как одного из столпов символизма. В статье по поводу гастролей Качалова в Каунасе в 1932 г. он писал, попутно советуя актеру расширить своей репертуар новыми стихами Балтрушайтиса:

Качалов – виленец, близкий литовцам человек. Еще ближе к нему по духу большой литовский поэт Юргис Балтрушайтис, один из вождей символизма, создатель последнего и друг Блока и Бальмонта.

Юргис Балтрушайтис недавно написал ряд исключительных по силе стихотворений –

³² Белый Андрей, «Из его книги воспоминаний», *Для Вас*, 1934, № 4 (5), 21 января, с. 2.

было бы прекрасно, если бы они читались нашим дорогим гостем³³.

Проблематичность собственного положения в литовском поле культуры побуждали Шкляра видеть аналогии своей личной ситуации на перекрестке культур в неоднозначной национально-культурной идентичности Бальмонта, Добужинского, Балтрушайтиса. Последний для него был мэтром, крупнейшим поэтом Литвы. Об этом говорит стихотворение из цикла стихотворных портретов Пятраса Вайчюнаса, Людаса Гиры, Балиса Сруоги, Казиса Бинкиса и, наконец, Балтрушайтиса. Стихотворение «Юргис Балтрушайтис (Из книги “Искатели прекрасного”))» было напечатано в декабре 1929 г. в газете *Наше эхо*; с несущественными поправками и под названием «Юргису Балтрушайтису» оно вошло в раздел «Искатели прекрасного» книги стихов *Poeta in aeternum* (Рига, 1935):

Никогда не забуду той встречи, в апреле,
Ваш приезд, утомленность от встреч,
И весеннюю комнату в тихом отеле,
Где звенит иностранная речь...

И тетрадку стихов в голубом переплете,
Колыханье огней в зеркалах.

Проницательный взор, брови в тонком
полете

Над глазами, презревшими страх...

Через пропасти – к безднам, в ничто, в
голубое, –

Ваш тончайший, ласкающий стих,
И вы сами, готовый к великому бою, –
Вы, кто мудрости тайну постиг!

Вас пленили давно неземные ступени,
Убаюкали горные сны,

³³ Шкляр Евг., «Чародей слова (К гастролям В. И. Качалова)», *Литовский курьер*, 1932, № 124, 21 августа, с. 3.

И укрыли прекрасные, лунные тени
От осенней, больной желтизны...

Много лет не кончается ваш поединок
За лазурный и благостный стих,
Ибо молоды вы, нестареющий инок,
Вы, в безмолвьи звончее других!..³⁴

По поводу приезда Бялика в Каунас в сентябре 1930 г. Шкляр в редактируемом им «Литературном уголке» литовского еженедельника *Секмаденис* поместил статью, в которой в качестве момента, связывающего еврейского поэта с литовским народом, отметил дружбу «с нашим великим Ю. Балтрушайтисом», выполнившим переводы нескольких стихотворений Бялика на русский язык³⁵. Иначе говоря, Балтрушайтис трактовался Шкляром как «наш поэт», т.е. литовский, и вместе с тем причастный к русской поэтической культуре.

В «Литературной хронике» газеты *Литовский курьер*, редактором которой был Шкляр, в сентябре 1932 г. анонсировалась первая литовская книга Балтрушайтиса (в заметках и интервью Балтрушайтиса в литовской печати о книге литовских стихов говорилось в 1922 и 1930 гг.³⁶):

³⁴ Шкляр Евгений, «Юргис Балтрушайтис (Из книги “Искатели прекрасного”))», *Наше эхо*, 1929, № 241, 22 декабря, с. 2. По книге *Poeta in aeternum* стихотворение перепечатано: Шкляр Е., «Юргису Балтрушайтису», *Вильнюс*, 1993, № 5, с. 126–127; Шкляр Е., «Приоткрыта одна из страниц...». *Стихотворения. Поэмы. Переводы*. Сост., вступит. ст. и примеч. Вл. Агафоновой, изд. подготовили В. Асовский, Е. Бахметьева, ред. д-р гуманитарных наук Е. Бахметьева, Vilnius: Saulabrolis, 2003, с. 129.

³⁵ Škliaras Eugenijus, „Bialikas žydų ir pasaulinėj literatūroj“, *Sekmadienis*, 1930, Nr. 37 (132), rugsėjo 14 d., p. 5.

³⁶ Kubilius V., „Jurgio Baltrušaičio kelias“, *Baltrušaitis J., Poezija*. Leidinį parengė, įvadą ir paaiškinimus parašė V. Kubilius, Vilnius: Vaga, 1967, p. 30–31.

В скором времени выйдет первая на литовском языке книга лирики крупнейшего поэта-символиста, Юргиса Балтрушайтиса³⁷.

Представления Шкляра о принадлежности Балтрушайтиса русской поэзии отражены в рецензии на книгу стихов Б. Бразджениса *Krintančios žvaigždės*:

Б. Б. относится с большой любовью и к русской классической поэзии: видно, что он изучил основные течения богоборчества в русской литературе, мессианизм ее и строгую одухотворенность старых мастеров слова. Не говоря о том, что мотто к книжке украшают слова Юргиса Балтрушайтиса, на стр. 45 нас пленяет неожиданный образ, навеянный поэмой «Мцыри» Лермонтова³⁸.

К лермонтовской поэме, действительно, отсылает сравнение в одном стихотворении („mes išbėgę iš gyvenimo kaip Мцыгі“; «мы выбежали из жизни, как Мцыри»); но эпиграф не имеет отношения к русской поэзии: Браздженис воспользовался первым четверостишием из литовского стихотворения Балтрушайтиса, впервые опубликованного с датой «32. 10. VI» в журнале *Науėjю Ромува* в июне 1933 г. ко дню рождения поэта³⁹.

К десятилетию независимости Литовской Республики газета *Сегодня*

³⁷ Литературная хроника, *Литовский курьер*, 1932, № 140, 10 сентября, с. 3.

³⁸ Е. Ш-р., «Bernardas Brazdžionis. “Krintančios žvaigždės”. Изд-ство “Sakalas”. 1933», *Литовский голос*, 1933, № 231, 11 декабря, с. 3.

³⁹ Baltrušaitis Jurgis, „Ekspromtas“, *Науėjю Ромува*, 1933, Nr. 128-9, birželio 18 d., p. 544. Подробнее см.: Lavrinčas P., „Bernardas Brazdžionis ir Eugenijus Škliaras“, „Per pasaulį keliauja žmogus“. *Bernardo Brazdžionio šimtmečiui*. Sudarytoja R. Brūzgienė, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2008, p. 167–170.

поместила обзор Фаустаса Кирши, касающийся достижений литовской литературы. Кирша, вслед за Балтрушайтисом (который писал «исключительно по-русски, начинает понемногу показываться и на литовском языке») и Милошем («В Париже живет наш поэт Любич-Милош, но он пишет по-французски»), причислил к литовским поэтам Шкляра, который «на русском языке издал несколько книг лирики, причем последнюю озаглавил: *Летува – золотое имя*, где поэт красочно выявляет свою любовь к литовской земле»⁴⁰.

Статья вызвала возмущенный отклик в газете *Студентас*, издаваемом кружком литераторов – студентов Литовского университета в Каунасе. Газету не устраивали неудачные, неточные суждения Кирши и оценка творчества Шкляра:

Юргис Балтрушайтис выдающийся тем, что он что-то там написал по-русски, а Милош – по-французски. Совсем другое дело – представитель литовской литературы Евгений Шкляр: для характеристики этого господина критик не жалеет красивых слов. Попытаться охарактеризовать Балтрушайтиса, Майрониса он не считает нужным: их замещает господин Шкляр⁴¹.

Шкляр этого выпада не забыл и два года спустя в статье о литературном авангардистском объединении левой ориентации «Трячасис фронтас» («Третий фронт») привел газетный наскок в качестве иллюстрации к обыкновению каждого нового литературного поколе-

⁴⁰ Кирша Фаустас, «Литовская литература», *Сегодня*, 1928, № 44, 15 февраля, с. 2.

⁴¹ Morkūnas Pr., „Žioplā (Apie šį ir tą)“, *Студентас*, 1928, Nr. 1, kovo 4 d., p. 2. Пер. с лит. яз. автора статьи.

ния, новой литературной группировки «лягнуть т.н. “стариков” в переносном смысле слова, ибо по годам даже старшее поколение литовских писателей сравнительно молодо»:

Там, некто под весьма прозрачным псевдонимом написал полную ругательств статью по адресу одного из лучших на литовском Парнаса – Фауста Кирши. За то, что он посмел тепло отозваться о книге автора этих строк *Летува – золотое имя!* Дескать, в описании этого поэта Кирша не жалеет ни слов, ни красок, а вот кое-кого из других забыл вспомнить. Убежден, что высокоталантливый Юргис Балтрушайтис вовсе не счел для себя обидным то, что было Ф. Киршей сказано о нем. Ибо Ю. Балтрушайтис на несколько голов выше тех, кто стремится вычеркнуть его из списка живых <в? – П. Л.> эпоху символизма, эру величайшего нарастания народного недовольства, исканий в туманах реакции, еще неоткрытых путей, еще неокрыленных мечтаний⁴².

Любопытно, что в литовской критике самого Шкляра сближали с Балтрушайтисом. Людас Гира в предисловии к книге стихов Шкляра на литовском языке определил его поэзию как «романтическо-символическую» („romantinė simbolinė“), с романтизмом, унаследованным от Лермонтова, и символизмом от Блока, соединенным с «мистицизмом космической философии». Этим Шкляр, согласно Л. Гире, родственен единственному в этом отношении Юргису Балтрушайтису, что «особенно характерно: Балтрушайтис – по национальности литовец, Шкляр – родом из

Литвы: отчизна обоих под всегда словно задумавшимся небом Литвы»⁴³.

Таким образом, Балтрушайтис в балтийской русской печати межвоенного периода выступал в двойной роли дипломата и поэта, при этом его литературная известность, по меньшей мере, отчасти зависела от дипломатической деятельности. Его необычное положение на пересечении литературы и политики, русской и литовской литературы едва ли не закономерно проистекало из парадоксов жизни и творчества поэта, переводчика и дипломата, которые уместно перечислить вслед за литовским историком литературы: питая страсть к литературе, Балтрушайтис в университете изучал математику и физику; женившись на дочери миллионера, не вылезал из нужды; закрытый и неразговорчивый, избегал политики и публичности, много лет исполнял обязанности высокого политического представителя в тяжелейший период XX в.; как поэт стремился к признанию в эпоху Серебряного века, но его русская поэзия вызвала широкий резонанс в литовской литературе; поздно начав писать стихи на родном языке, Балтрушайтис был охвачен ностальгией и с

⁴² Шкляр Евгений, «Pro domo sua. Несколько слов о “Третьем фронте”», *Наше эхо*, 1930, № 265, 25 января, с. 2.

⁴³ Gira Liūdas, „Eugenijaus Škliaro kūryba“, *Škliaras Eugenijus, Lietuva – auksinis vardas. VI eilėraščių rinkinys*. Vertė P. Laurinaitis. Su L. Giros įžangos žodžiu, Kaunas: Spaudos fondas, 1931, p. 3–4. Ср.: «Удачным связующим звеном для этих двух достаточно разных, но и взаимодополняющих начал Евг. Шкляр избрал интеллектуальный мистицизм космической философии, чем оказался родственен единственному в русской литературе поэту этого плана Юргису Балтрушайтису. И что особенно характерно: Балтрушайтис – литовец, Шкляр – родом из Литвы, родина обоих под всегда задумчивым литовским небом». – Гира Л., «Творчество Евгения Шкляра». Пер. Вл. Агафоновой, *Вильнюс*, 1993, № 5, с. 128.

жаром отдался поэтическому творчеству на литовском языке в конце жизни, когда литовской государственности уже не стало⁴⁴. Наконец, литературная репутация Балтрушайтиса в балтийской русской печати формировалась не столько текущей литературной деятельностью,

⁴⁴ Žmuida E., „Jurgis Baltrušaitis“, p. 114.

сколько прежними заслугами русского поэта и переводчика, одного из создателей русского символизма. Вместе с тем эпоха становления национальных государств и формирования новых государственных, гражданских, национальных идентичностей придала особую актуальность фигуре литовца – русского поэта.

JURGIO BALTRUŠAIČIO REPUTACIJA 1920–1930 M. BALTIJOS RUSŲ SPAUDOJE

Pavel Lavrinec

S a n t r a u k a

Straipsnyje nagrinėjama Jurgio Baltrušaičio reputacija tarpukario Baltijos rusų periodinėje spaudoje (Kauno *Echo*, *Ponedelnik*, *Rygos Segodnia*, *Dlia Vas* ir kt.). Svarbiausias jos komponentas buvo Lietuvos diplomatinio atstovo Rusijoje veikla, kuri įvairiais būdais atsispindėjo rusų laikraščių žinutėse, straipsniuose, feļjetonuose. Diplomatinė veikla aktualizavo Baltrušaitį kaip poetą ir vertėją, o jo kūryba atitiko kai kurių laikraščių programines nuostatas propaguoti lietuvių kultūrą. Tačiau kukli savo

mastu ir rezultatais aktuali kūryba turėjo mažai įtakos poeto ir diplomato literatūrinei reputacijai. Pastarąją formavo ankstesni rusų poeto ir vertėjo, vieno iš rusų simbolizmo kūrėjų nuopelnai. Netrivialus poeto ir diplomato vaidmenų sujungimas, neįprasta situacija lietuvių ir rusų kultūrų sankryžoje, lietuvių kilmės rusų poeto paradoksalumas buvo ypač aktualus tautinių valstybių kūrimo ir naujų valstybinių, pilietinių, tautinių tapatumų formavimo laikmečiu.

REPUTATION OF JURGIS BALTRUŠAITIS IN THE BALTIC RUSSIAN PRESS IN THE 1920'S–1930'S

Pavel Lavrinec

S u m m a r y

This paper analyzes the reputation of Jurgis Baltrušaitis in the interwar Baltic Russian periodic press (*Echo*, *Ponedelnik* in Kaunas, *Segodnya*, *Dlia Vas* in Riga, and others). Its primary component was the of the Lithuanian diplomatic representative in Russia the activity of the, which in many ways was reflected in Russian newspapers' messages, articles, and feuilletons. The diplomatic activity actualized Baltrušaitis as a poet and translator, and his creative work met some newspapers' program provisions to promote Lithuanian culture. However, modest in

scale and results, his actual work had little impact on the poet's and diplomat's literary reputation. The latter was formed by the earlier Russian poet's and translator's, one of the Russian symbolism creator's merits. The nontrivial combination of a poet's and a diplomat's roles, an unusual situation at the Lithuanian and Russian cultural crossroads, the paradox of a Russian poet of Lithuanian origin was of special relevance for the national state building and a new political, civic, and ethnic identity formation era.

Получено: 2013, сентябрь

Принято: 2013, сентябрь

Адрес автора:

Vilniaus universitetas

Rusų filologijos katedra

Universiteto g. 5, LT-01513 Vilnius Lietuva

E-mail: pavel.lavrinec@flf.vu.lt